

Проклятая
КРАСОТА

Астрид Шольте

Astrid Scholte

FALLEN BEAUTY

Астрид Шольте

Проклятая
КРАСОТА

Мирное королевство Эралия не знало войны уже много веков. Пока не родились близнецы.

Оба ребенка тяжело заболели до своего первого дня рождения, и их родители отправились в долгое путешествие по королевству, посетив всех целителей в Эралии.

Было выпито множество снадобий и наложено множество заклинаний.

Дети выжили, исцелились и стали известны во всем королевстве как Священные близнецы. Они навсегда изменились, а вместе с ними изменилась и сама Эралия.

Из введения
в «Алхимию жизни и смерти»

Начало

ДО ДЕСЯТИ ЛЕТ Торелея Виньярд не знала, что она пленница.

В детстве у нее было все, о чем можно только мечтать: куча игрушек, которые некуда класть; куча платьев, которые некуда надевать; куча книжек, которые не успеваешь читать. Торелея не знала, что жить в заточении в каменной башне, где компанию ей составляла лишь мама, — это не совсем нормально. Торелея не знала, что мама не смогла спрятаться от тех людей, которые теперь держали в плену их обеих. Она была счастливым ребенком, потому что не тосковала о том, чего у нее никогда не было. О свободе.

Торелея и ее мама Валлейна все делали вместе: готовили еду, наводили порядок, пели и танцевали. Валлейна отходила от дочери, только когда под таинственную запертую дверь просовывали письмо. Тогда Валлейна снимала с цепочки на шее маленький ключик, отпирала ту самую дверь и скрывалась внутри, оставляя Торелею снаружи. Торелея садилась на пол и ждала, подтянув костлявые колени к груди и гадая, что делает мама.

Спустя много часов возвращалась Валлейна, и от нее всегда пахло чем-то терпким и едким. Каждый раз Торелея спрашивала у мамы, что скрывается за запертой дверью, но Валлейна лишь качала головой, говорила, что уже и не помнит, и шла отдыхать в их общую спальню.

С годами Торелея начала расспрашивать маму о жизни за пределами башни. Но не в те дни, когда Валлейна подолгу сидела в загадочной запертой комнате и возвращалась усталая, словно поникшая, с остекленевшими голубыми глазами.

На десятый день рождения Торелеи мама подарила ей новую книгу. В книге говорилось об удивительном

и прекрасном мире: о кораблях в черных морях Картаны, о лазурных словых лесах на дальнем севере, о реках пламени на полях вокруг огнедышащей горы Верн. Торелея сообразила, что это не вымысел; автор книги путешествовал по землям и морям Эралии, и малышка спросила у мамы, когда она тоже сможет отправиться в путешествие.

— Ты не счастлива здесь, со мной, любовь моя? — ответила Валлейна.

Торелея любила маму и их тихую жизнь вдвоем, но мечтала о собственных приключениях. Ей хотелось прокатиться верхом на лошади, потанцевать на балу и подружиться с кем-нибудь из ровесников. Почему ее жизнь ограничена стенами башни, в то время как все остальные вольны ходить где угодно?

— Расскажи мне об Эралии, — попросила она.

Валлейна подвела ее к книжному шкафу:

— Все, что я знаю, я почерпнула из книг.

— *Нет.* Не из книг. Расскажи, что ты знаешь сама.

Валлейна нахмурилась, глядя на дочь:

— Книги расскажут гораздо больше.

Но девочке не хотелось чужих историй, рассказанных людьми, которых она никогда не встречала; ей нужна была более тесная связь с королевством, которое она мечтала увидеть своими глазами. Ее жизнь проходила в сумрачных серых тенях, а Торелее хотелось света и ярких красок. Ей хотелось узнать, что лежит за пределами их с мамой каменной башни.

— Ты тоже родилась в башне? — спросила она у мамы.

— Нет. — Мамин взгляд вновь затуманился. — Я... я не помню.

— Расскажи мне, что было раньше. Почему ты не помнишь?

Валлейна покачала головой, ее длинные светлые волосы рассыпались по плечам.

— Я не знаю. Прости, любовь моя. Я устала. — Она заправила золотистый локон за ухо Торелен. — Я расскажу тебе потом.

Пошатываясь на ходу, Валлейна поднялась по лестнице в спальню и сразу уснула, хотя был только полдень. Торелея уже поняла, что «потом» никогда не наступит. Маме нездоровилось. Но сегодня она не сидела полдня в таинственной запертой комнате, откуда всегда выходила усталой. Ее нынешнее утомление было вызвано чем-то другим.

Затем Торелея услышала знакомый звук. Кто-то снова просунул под дверь письмо. Торелея схватила пергамент и с нетерпением прочитала:

*Следующая натура готова.
Поторопитесь.*

Натура? Что такое «натура»? Кто написал это письмо? И что случится, если мама не поспешит отпереть дверь?

Торелея поднялась наверх, но Валлейна крепко спала. Торелея всегда слушалась маму, но ключик на маминой шее так и манил. Искушение было неодолимо.

Дрожащими пальцами Торелея осторожно сняла ключ с цепочки на маминой шее. Валлейна даже не шелохнулась. Осмелев, Торелея сбегала по лестнице вниз, и ее руки уже не тряслись, когда она вставила ключ в замок.

Она распахнула заветную дверь, и ей в ноздри ударил едкий запах каких-то снадобий. Комната оказалась совсем небольшой, гораздо меньше соседней гостиной. Торелея вошла, щурясь от слабого света, пока глаза привыкали к новому освещению. А потом она вскрикнула.

На верстаке сбоку от двери лежало мертвое животное, его янтарные глаза осуждающе смотрели на Торелею, словно это она свернула ему шею.

Торелея попятилась и наткнулась спиной на что-то теплое и мягкое. Она опять закричала.

— Все хорошо. — Мама обняла ее за плечи и развернула лицом к себе, защищая от жуткого зрелища.

По щекам Торелеи потекли горячие слезы.

— Что это, мама?

— Это лисица. — Мама ласково ей улыбнулась.

Торелея еще никогда не видела животных, кроме как на картинках в книгах.

— Что с ней случилось? — Ее губы дрожали. — Ты ее убила?

Мамин взгляд стал печальным.

— Нет, любовь моя. Животных всегда приносят уже такими.

Валлейна обвела комнату широким жестом. В углу на мольберте рядом с горящей лампой стоял чистый холст, на верстаке были разбросаны тюбики с красками. На стенах висело несколько небольших картин с изображением разных животных, названий которых Торелея даже не знала.

Мамина *натура*.

— Ты рисуешь мертвых животных? — спросила Торелея. — Зачем?

Мама накрыла неподвижное тело лисички лоскутом ткани.

— Это единственный способ обрести свободу. — Она указала на массивную крепкую дверь в дальнем конце комнаты. На двери не было ни ручки, ни замка.

Торелея ахнула:

— Значит, мы пленницы?

— Боюсь, что да.

— *Почему?* Что ты сделала?

Торелея знала из книг, что в заточении держат нехороших жестоких людей, совершивших ужасные преступления, за которые их сажают в тюрьму.

Валлейна печально покачала головой:

— Я не знаю. Не помню.

Это правда? Или мама скрывает ужасное прошлое, как скрывала от дочери эту комнату?

— Кто написал это письмо? — Торелея протянула маме пергамент с требованием приступить к рисованию. — Кто держит нас в башне?

— Я не знаю, — повторила Валлейна. — Я знаю только одно...

Она потянулась к ближайшей полке и взяла стопку листов. Еще больше писем. В основном с сообщениями,

что для Валлейны готова очередная натура. В самых старых, самых первых письмах, пожелтевших от времени, говорилось чуть больше.

*Милейшая Валлейна Виньярд,
нарисуйте это животное, пока его не
охватило смертельное окоченение.
Нарисуйте его как живое.
Преуспеете — и обретете свободу.
У вас есть двенадцать часов.*

— Это было самое первое письмо. — Мама потеряла виски. — Насколько я помню.

Хотя картины на стенах были очень красивыми, в глазах животных все-таки не хватало чего-то важного. Искры жизни.

— Я тебя подвела, — прошептала Валлейна. — Каждая картина, которая не понравится нашему тюремщику, означает еще неделю заточения в башне.

— Нет, мама, — ответила Торелея. — Ты стараешься изо всех сил.

По бледной щеке Валлейны скатилась слезинка. Она стиснула руки дочери:

— Может быть, ты мне поможешь.

Торелея покачала головой:

— Я не хочу рисовать мертвых зверей.

— Тебе и не нужно. — На губах Валлейны мелькнула какая-то странная ломкая улыбка. — Рисуй все, что хочешь. Я тебя научу.

Торелея была не уверена, что ей хочется проводить время в этой сумрачной комнате смерти. Но она не могла отвернуться от правды теперь, когда эта правда открылась. Комната, эти картины были ключом к их свободе.

— Мне всегда хотелось увидеть цветы, — призналась Торелея. — И деревья. И горы. И...

Мама рассмеялась, и все страхи Торелеи мигом исчезли, как всегда и бывало.

— Я попрошу принести нам цветов, — пообещала Валлейна и улыбнулась. — Много цветов.

Торелея наблюдала, как ее мама рисует. Она не смотрела на мертвую лисичку, только на холст.

Валлейна орудовала кистью, словно умелая танцовщица, выполняя движения в интуитивном ритме; ее мазки были быстрыми, почти небрежными, но грациозными. Торелея вдруг поняла, что ей хочется повторять эти движения за мамой.

Когда картина была закончена, Валлейна взяла пергамент с письмом, написала на обороте, что просит прислать побольше цветов для отработки навыков мастерства, и приколола его к холсту с лисицей. После стольких часов, проведенных в маленькой душной комнате, у Торелеи разболелась голова от запаха скипидара. Валлейна заварила травяной чай, который, как она объяснила, унимал боль и отгонял все тревоги после долгого дня за мольбертом.

Это был лучший из всех дней рождения на памяти Торелеи. Она решила сосредоточиться на обучении живописи и забыть о своей мечте о приключениях в большом мире. По крайней мере, на ближайшее время.

На следующий день из-под двери появилось очередное письмо, и, когда Валлейна с Торелеей вошли в комнату для рисования, она была вся уставлена цветами. Их сладкий аромат почти перебил запахи масляной краски и скипидара, и в комнате не было мертвых животных.

Валлейна протянула дочери кисть:

— Давай за работу.

Когда Торелея в первый раз провела кисточкой с краской по чистому холсту, ее охватило пронзительное ощущение чего-то близкого и родного. Она поняла, почему ее маме так нравится рисовать, пусть даже и мертвых животных. В душе девочки воцарился покой, когда она следовала маминым указаниям. Ее первые работы были ужасны, но мама уверила Торелею, что со временем у нее начнет получаться гораздо лучше.

Так и случилось. После двух лет рисования под маминым руководством работы Торелеи почти не отличались от работ Валлейны. А последняя мамина картина, изображавшая белую курочку, выглядела настолько реа-

листично, что казалось, будто птичьи перья трепещут в свете свечей. Торелея знала, что они с мамой уже близки к цели.

— Как красиво. — Торелея встала рядом с мамой и наблюдала, как та пыталась добавить блики света в глаза нарисованной курочки. Девочка больше не плакала, когда в комнате для рисования появлялись мертвые животные, хотя по-прежнему не желала писать их портреты. Она рисовала только цветы. — Ты хорошо себя чувствуешь? — спросила она, не дождавшись ответа от мамы.

Валлейна вздрогнула и уронила кисточку на пол. Ее глаза закатились, ноги словно надломились в коленях.

— Мама! — крикнула Торелея и успела подхватить маму до того, как та рухнула на пол.

Бледная кожа Валлейны покрылась испариной, глаза подергивались под закрытыми веками.

— Мама! — Торелея потрясла ее за плечо. — Очнись!

Она знала, что долгие часы за мольбертом не проходят бесследно и после каждого раза маме требовался отдых, но она ни разу не видела, чтобы мама теряла сознание.

Взгляд Торелеи затуманился от слез, пока она пыталась растормошить маму, кожа которой буквально горела огнем. Сердце девочки сжалось от страха. Она не могла просто сидеть и смотреть, как умирает ее мама. Она бросилась к металлической двери и принялась колотить по ней кулаками.

— Помогите! — кричала она. — Кто-нибудь, помогите! Пожалуйста!

Торелея ни разу не слышала никаких звуков по ту сторону запертой двери, и сегодняшний день не стал исключением.

— Пожалуйста, помогите моей маме!

Она била в дверь кулаком, пока рука не онемела от боли.

— Пожалуйста! — умоляла она. — Мне кажется, она умирает!

Тяжелая дверь с грохотом распахнулась, и Торелея испуганно отшатнулась назад. В дверном проеме стоял мужчина с рябым загорелым лицом, лоснившимся в тусклом свете свечей. Его черные волосы были подстрижены очень коротко, губы кривились в презрительной усмешке, в уголках рта пузырилась слюна.

Это и есть их тюремщик?

— Где она?

Его хриплый голос напоминал скрип металлической двери, грубый и режущий слух.

Торелея указала на маму, лежащую на полу, но взгляд мужчины был прикован к трупiku птицы и недавно законченной картине. Торелея в замешательстве наблюдала, как он набросил тряпицу на мертвую птицу, сунул под мышку еще влажный холст и вышел из комнаты, с грохотом захлопнув за собой дверь.

— Вернитесь! — крикнула Торелея. — Помогите моей маме!

Она вздрогнула, когда дверь снова открылась и мужчина вернулся в комнату.

— Она упала, когда рисовала, — объяснила ему Торелея. — Не знаю почему.

Мужчина поднял Валлейну с пола и, кряхтя, закинул себе на плечо.

— Вы ей поможете? — спросила Торелея.

Он посмотрел на нее так, словно только сейчас вспомнил о ее присутствии:

— Да.

— Спасибо! — Торелея расплакалась от облегчения. Длинные светлые волосы Валлейны разметались по спине мужчины, который направился к металлической двери.

— Ты куда собралась? — Он протянул грязную руку и удержал Торелею на месте.

— Я... — Она никогда не разговаривала ни с кем, кроме мамы, и не понимала, что означает суровое выражение его лица. — Я иду с вами.

— Ты останешься здесь.

— Нет! — крикнула Торелея. Разлука с мамой была для нее просто невыносимой. — Куда она, туда и я.

— Не в этот раз.

Валлейна с трудом приподняла голову:

— Торелея?

— Мама! — Торелея потянулась к ее руке.

Мужчина отступил в сторону, не давая ей прикоснуться к Валлейне.

— Что происходит? — слабым голосом спросила Валлейна.

— Ты покидаешь башню, — равнодушно ответил мужчина. — Прощайся.

— Нет! — взывала Торелея.

Валлейна задержалась на плече у мужчины, пытаясь освободиться:

— Я приму любое наказание, но, пожалуйста, не забирайте меня отсюда. Не разлучайте с дочерью.

Что-то мелькнуло в черных глазах мужчины.

— У меня приказ.

— Я никуда не пойду, — сказала Валлейна.

— У тебя нет выбора. — Его голос был словно нож, вонзившийся Торелее под ребра.

Валлейна продолжила вырываться, стуча кулаками по его спине:

— Отпусти меня!

— Не оставляйте меня здесь одну! — Торелея схватила маму за руку и потянула к себе.

Мужчина грубо ее оттолкнул, и она чуть не упала на каменный пол.

— Пожалуйста, не разлучай нас с Торелеей! — крикнула Валлейна, когда мужчина шагнул через порог. — Она моя дочь!

— Мама! — Торелея бросилась к двери.

Ей не хватило буквально секунды.

Тяжелая дверь захлопнулась за Валлейной, разделив мать и дочь.

— Торелея!

— Нет! — крикнула Торелея и принялась бить кулаками по двери. — Мама! Вернись!

Мамин голос затих вдали, и Торелея в отчаянии рухнула на пол.

Я НЕНАВИДЕЛА ВЫРИСОВЫВАТЬ глаза. Одновременно сосредоточенные и застывшие. Но всегда обвиняющие. Эти животные умирали из-за меня. Как прежде — из-за мамы.

Обычно у меня получалось притвориться, что животное просто спит. Я старательно не замечала его сломанную шею, вывернутую под неестественным углом. Я представляла, что, как только закончу картину, животное сделает глубокий вдох и поднимется с каменного пола.

У меня получалось.

Но не тогда, когда я смотрела ему в глаза.

Сегодняшней натурой был кролик. Я мысленно извинилась перед беднягой, потом взяла самый маленький холст и поставила его на мольберт. Таких холстов у меня было мало. Мой тюремщик хотел, чтобы я рисовала большие картины с изображением его мертвых животных. В тысячный раз я задалась вопросом, что он с ними делал. И когда он перестанет требовать еще и еще.

Я уже давно разложила тюбики с красками по цветам: серые для мышей, коричневые для крыс, зеленые для ящериц и белые для птиц. Я взяла палитру и выдавила на нее немного белил. И совсем чуть-чуть красной краски, похожей на сгусток крови.

Для начала я покрыла весь холст плотным слоем черного угля. Он составит отличный контрастный фон для белого кроличьего меха, что придаст больше объема нарисованной фигуре. Оживит изображение.

Я тщательно рассмотрела кролика, стараясь подметить каждую деталь и надеясь, что сегодня сумею добиться той степени реалистичности, которую так желал мой тюремщик. Той степени реалистичности, которой добилась мама, когда ее освободили из башни. Несмотря на мрачный сюжет, сам процесс рисования создавал ощущение близости с мамой — ощущение связи сквозь время. Я гадала, помнит ли мама мое лицо и как изменилась она сама за прошедшие шесть лет.

На следующий день после того, как маму забрали из башни, мне доставили письмо вместе с мертвой крысой:

*Моя милая Торелея,
во-первых, знай, что со мной все хорошо,
хотя мне уже очень тебя не хватает.
Во-вторых, я ошибалась, полагая, что мы с
тобой пленницы. Я ошибалась во многом.
Мы находимся под надежной опекой короля
и королевы Лагонии, которые обещают
защитить нас от всех, кто желает нам зла.
Мир за пределами замка Лагония —
жестокое место. Поверь, что здесь
нам с тобой безопаснее всего.
Король с королевой назначили меня
придворной художницей, и в ближайшее
время мы не сможем быть вместе, но я
постараюсь почаще писать тебе письма.
А ты пока продолжай рисовать.
Рисуй животных, как будто они живые. Рисуй
животных, пока их не охватило смертельное
окопение. У тебя есть двенадцать часов.
Взамен мы обе получим защиту
от королевской семьи.
Не противься. Не спорь. Наберись терпения.
Береги себя. Мы скоро увидимся.
Люблю тебя, мама.*

В письме не было смысла. Если мы с мамой не пленницы, то почему мы не можем быть вместе? Я отказыва-

